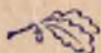

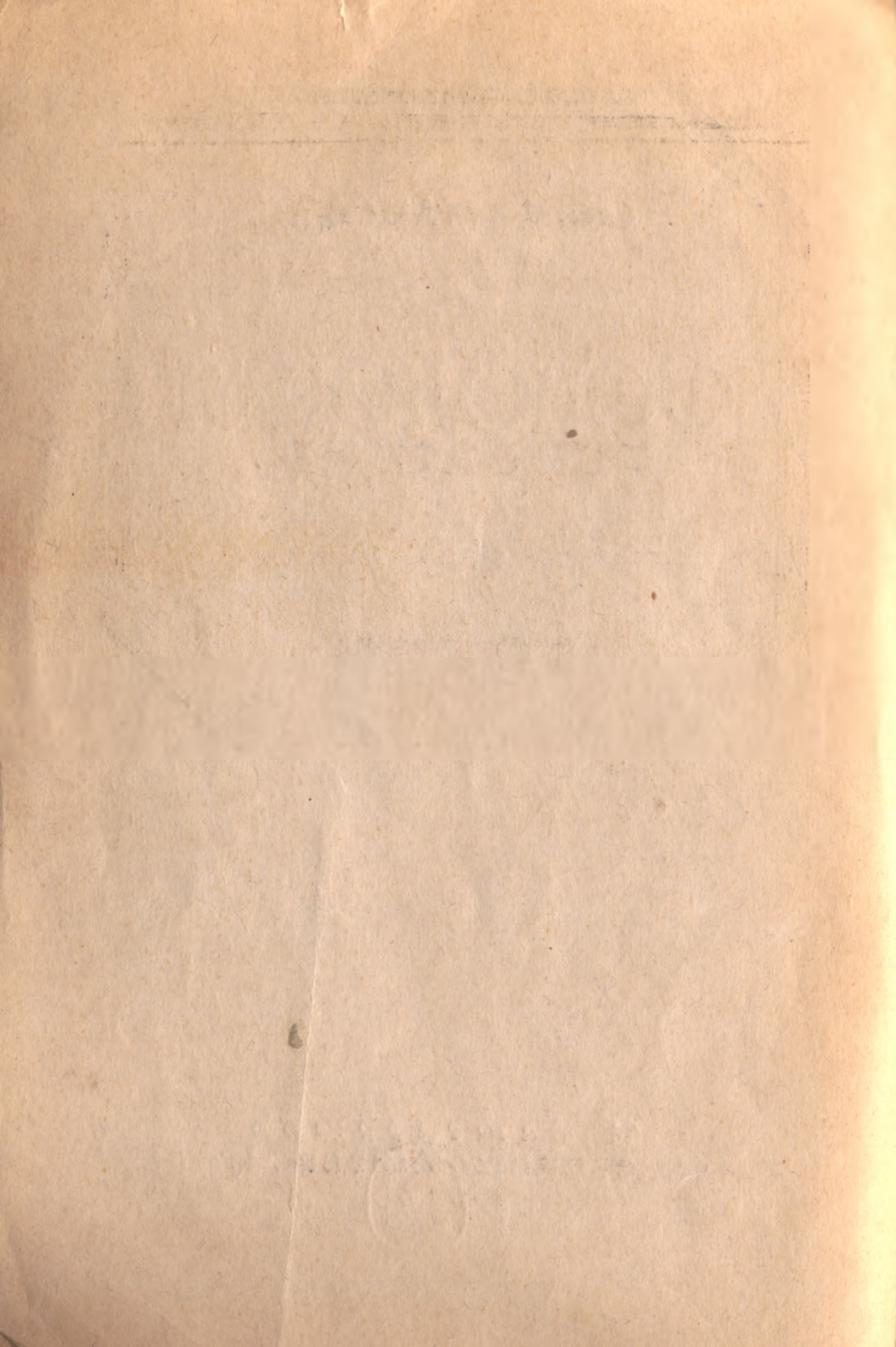
О.С. АХМАНОВА

ФОНОЛОГИЯ

Издательство
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Доц. О. С. АХМАНОВА

ФОНОЛОГИЯ

Материалы к курсам языкознания

Под общей редакцией
В. А. ЗВЕГИНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1954

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

КАФЕДРА ОБЩЕГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

От редакции

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова поставила своей задачей выпустить серию брошюр по основным вопросам языкознания. Это решение продиктовано тем обстоятельством, что в настоящее время советские вузы еще не располагают всеми необходимыми пособиями по общезыковедческим курсам, построенным на основе марксистско-ленинского учения о языке, тогда как потребность в такого рода пособиях огромна.

Настоящая серия, в создании которой принимают участие не только работники кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, но и работники других языковедческих кафедр Филологического факультета университета, также не представляет собой систематического изложения курса «Введение в языкознание» или курса «Общее языкознание». Серия будет содержать только материалы по общезыковедческим курсам и в отдельных своих выпусках может быть использована как студентами при изучении названных курсов, так и преподавателями для подготовки к лекциям по отдельным разделам этих курсов.

Данная серия — коллективный труд. Поэтому в изложении отдельных проблем языкознания и в особенности таких, которые не получили еще в советской науке о языке сколько-нибудь однозначного решения, неизбежно находят отражение особенности индивидуальной трактовки этих вопросов, различия в

широте охвата материала, самостоятельности его освещения и стиле изложения. Однако все эти различия не носят такого характера, чтобы приводить к противоречиям. Они также ни в коем случае не выходят за пределы того истолкования, которое эти проблемы получают в советской науке о языке.

ФОНОЛОГИЯ

Основой для разработки фонологических проблем в советском языкознании является указание И. В. Сталина о том, что звуковой язык является единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. Это указание И. В. Сталина дает твердую базу для борьбы со всякого рода идеалистическими извращениями по вопросу о сущности языка: именно понимания сущности языка как «системы отношений», безразличных к «материи», «субстанции» или «формам реализации» этих отношений, откуда идет распространенное в современной буржуазной лингвистике преувеличенное и ложное представление о письме, жестах, кодах и т. п. не звуковых способах «реализации» или «манифестации» тех отношений, которые якобы «идеально» существуют в виде некоей «бестелесной «системы языка»», безразличной к этим способам и независимой от них. Человеческий язык немыслим без его «природной материи». Отрывая мышление от языка, стремясь «освободить» его от языковой «природной материи», Н. Я. Марр попал в болото идеализма и фактически примкнул к «новейшим» направлениям в буржуазной гносеологии, поставившим в центр внимания создание «усовершенствованных семантических систем», якобы «имеющих сместить и заменить полностью язык».

Развитие научного языкознания было бы вообще невозможно без систематического изучения звуков языка. Поэтому фонетика занимала важное, можно сказать, ведущее место в сравнительно-историческом языкознании, явившемся основным направлением в лингвистике XIX века. Дальнейшее развитие сравнительно-исторической фонетики породило интерес к так называемой общей фонетике, являющейся весьма сложной и многосторонней дисциплиной, охватывающей различные области научного знания (физика, анатомия и др.). Уже с половины

прошлого века сложилась научная дисциплина, называемая «физиологией звуков». К концу прошлого века вполне оформилась так называемая «экспериментальная» (вернее «инструментальная») фонетика, опирающаяся на широкое применение различных звукозаписывающих и звукоанализирующих аппаратов. Многим лингвистам стало казаться, что только механический эксперимент может дать уверенность в научной правильности фиксации и анализа звуковой природы языка.

Расширение и укрепление научно-фонетических изысканий совпало с возникновением и развитием новых взглядов на язык и языкознание. Если XIX век характеризовался господством исторического языкознания и в центре внимания стояло изучение языков в их историческом развитии с упором на восстановление и исследование уже пройденных ими этапов вплоть до периодов, исторически не засвидетельствованных в письменных памятниках, то теперь выдвигается необходимость рассматривать явления языка в двух аспектах — не только в их движении и изменении, но и в их соотношении на данном этапе развития, в их связи друг с другом. Ведущая роль в развитии нового направления в целом принадлежала главе казанской лингвистической школы Ивану Александровичу Бодуэну де Куртенэ¹. В области специально фонетики новый подход нашел выражение в учении Бодуэна де Куртенэ о когеренции и дивергенции звуков, с одной стороны, и о их корреляции и корреспонденции, с другой. Звуки языка не существуют независимо друг от друга, а находятся в отношениях зависимости и различия. В каждый данный период развития языка мы находим свойственные ему в этот период особенности когеренции, т. е. комбинационной зависимости звуков друг от друга или одного звука от другого. Эта комбинационная зависимость звуков (когеренция) вызывает комбинационные изменения звуков, которые Бодуэн назвал дивергенцией. Звуки, имеющие одно происхождение (по Бодуэну, «гомогенные звуки»), подвергающиеся комбинационным изменениям, Бодуэн назвал дивергентами. Различия между дивергентами характеризуются тем, что они обуславливаются и объясняются действующими на данном этапе развития языка комбинационными условиями (ср., например, чередование *т* и *д* в русских *род* — *рода*, *а*, *о* и *ѡ* в таких словах, как *вода*, *водный*, *водяной* и т. п.). Дивергенты принципиально отличались Бодуэном от коррелятивов, т. е. различных на данном этапе языка, но имеющих одно происхождение звуков, различие которых не может быть объясне-

¹ Подробно о роли И. А. Бодуэна де Куртенэ см. Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич. Изв. АН СССР, отделение языка и литературы, т. XII, вып. 1, М., 1953, стр. 62 и след.

К ~ ? у ~ о
д ~ ж

но имеющимися налицо условиями, как, например, к и ч в пеку — печешь, д и ж в родить — рожать, у и о в муха — мошка и т. п. Как дивергенты, так и коррелятивы тщательно отличались от корреспондентов, т. е. «гомогенных звуков», сопоставляемых в области нескольких языков, на чем покоилась сравнительно-историческая фонетика. Таким образом, были не только установлены, но и уточнены фонологические понятия как с точки зрения соотношения звуков в системе данного языка, так и в плане исторической фонологии. Эти новые идеи оказались настолько продуктивными, что они определили все направление исследований звуковой стороны языка на весь последующий период развития языкознания как у нас, так и за границей. В дальнейшем мы остановимся вкратце на характеристике и критике основных направлений, которые определились в этих исследованиях в настоящее время. Сейчас же необходимо попытаться составить себе ясное представление о том, что следует понимать под термином «фонема» и как соотносятся между собой термины «фонетика» и «фонология».

Как можно было видеть из сказанного выше (стр. 5—6), под «фонетикой» и особенно «общей фонетикой» понималась и понимается и теперь очень широкая область научного знания, охватывающая различные науки с экспериментальной фонетикой как ее практической или технической базой. Термин «фонология» поэтому может представляться полезным вследствие того, что под этим названием как бы выделяется из всего многообразия вопросов, связанных с изучением звуков речи, собственно лингвистическая сторона: каким образом звуки речи, изученные и описанные на основе, например, экспериментально-фонетических изысканий, функционируют в данном языке в составе морфем, как они соотносятся с другими звуками данного языка, какие их особенности являются важными для общения и т. п. Однако выделение так называемой «функциональной» точки зрения на звуки речи не должно пониматься как отрыв изучения функции звуков от изучения тех же звуков с «материальной» или «антропофонетической» стороны. Фонология не может существовать как отдельная от фонетики в широком смысле дисциплина. Когда мы говорим о выделении той или иной стороны в изучаемом нами сложном предмете для наилучшего проникновения в ее сущность, мы вовсе не предполагаем гипостазирования этой выделяемой для лучшего рассмотрения стороны или отрыва ее от остальных сторон, от которых она неотделима по самому своему существу.

Характеризуя выше то новое, что внес Бодуэн де Куртенэ в изучение звуков человеческого языка, мы изложили кратко его классификацию тех различных сторон, которые требуют особого рассмотрения. Но, как можно было видеть, там речь шла еще

в основном о том, чтобы научиться отличать те различия, которые вызваны условиями, наличными в языке на данном этапе его развития, от различий, унаследованных данным этапом развития языка от предшествующих этапов его развития. Теперь же мы должны сосредоточить свое внимание на том, каким образом используются на данном этапе развития языка эти различного рода различия, каким образом они помогают облечь человеческие мысли в звуковую языковую оболочку.

Если мы обратимся к рассмотрению строя и состава самой звуковой оболочки морфем и слов как таковых (рассматривая их независимо от тех особенностей звукового оформления, которые они приобретают в просодическом плане в составе предложения), мы убедимся в необходимости выделять два вида различий между звуками, входящими в состав морфем и слов, а именно: 1) различие между двумя звуками, не обусловленное полностью их положением, и 2) различие между двумя звуками, полностью обусловленное их положением. Первое из этих различий мы назовем фонематическим и определим фонемы как звуки, различие между которыми не является полностью обусловленным их положением¹. Те же звуки, различия между которыми полностью объясняются (или обуславливаются) их положением, мы назовем вариантами фонем. Приведенные определения дадут нам возможность легко различать фонемы и варианты, т. е. отличать функционально значимые различия от таких различий, которые являются как бы подчиненными, второстепенными, не связаны прямо и непосредственно с функционированием языка. Так, например, сравнивая русские слова *дом* и *том*, мы легко убедимся, что *т* и *д* являются разными фонемами. Противопоставление этих двух звуков, во всем остальном тождественных, по глухости-звонкости имеет в русском языке фонематический характер. В самой «позиции», в положении соответствующих звуков нет ничего, что препятствовало бы свободному выбору любого из них: оба находятся перед ударным звуком в начале слова; следовательно, выбор того или другого не определяется позицией. Напротив того, если бы мы сравнили, например, такие слова, как *спор* и *смотр*, то мы убедились бы, что различие между *р* (звонким) в *спор* и *р* (глухим) в *смотр* обу-

¹ Основой для предлагаемого нами здесь определения послужило следующее высказывание проф. А. И. Смирницкого, сделанное им в докладе «Фономорфологическое строение простых (синтетических) глагольных форм с положительными суффиксами в английском языке»: «Звук выступает в качестве особой фонемы или, проще говоря, является фонемой по отношению к другому звуку в тех случаях, когда его отличие от этого другого звука не является полностью зависящим от его положения — в соответствии с фонетическими закономерностями данного языка...».

словлено только позиционно: *p* и *p*₀ в русском языке, следовательно, не разные фонемы, а различные варианты одной и той же фонемы *p*. Различие между «твердым» и «мягким» *m* (т. е. *m* и *m'*) в русском языке является различием фонематическим, так как оно не обусловлено полностью положением соответствующих звуков, например, *быт* и *быть*. Напротив того, различие между обыкновенным взрывным зубным непридыхательным *m*, например, в слове *нота* и фаукальным *m* в слове *нотный*, так же как, например, различие между английским непридыхательным *t* в *stone*, придыхательным *t*^h в *tone*, фаукальным *t* в *written*, являются не фонематическими: в обоих языках фаукальное произношение обусловлено положением перед *n*, вследствие чего ртовый взрыв заменяется опущением мягкого нёба (нёбной занавески), т. е. взрыв происходит в глотке (fauces); нормальное же для английского глухого взрывного придыхание перед ударным гласным устраняется при наличии перед ним *s*.

Приведенные примеры подводят нас к одному весьма важному явлению, получившему различную трактовку у представителей различных фонологических направлений (см. ниже). Дело в том, что в определенных положениях (позициях) существующие в языке фонематические различия (или противопоставления) могут сниматься или нейтрализоваться. Классическим примером нейтрализации являются такие случаи, как русское *рот* [rot] (с взрывным шумным согласным в конечном положении), где становится невозможным определить, имеется ли в виду *рот* «уста» или *род* (родит. падеж *рода*). Такие случаи представляют собой значительные трудности с точки зрения фонематического анализа языка, потому что оказывается практически невозможным решить, какую фонему мы имеем в таких случаях (т. е. в нашем случае), имеем ли мы в обоих случаях просто одну и ту же фонему, т. е. *m* или же, например, в *рот* «уста» мы имеем фонему *m*, а в *рот* (род. *рода*) — уже не фонему *m*, а особый вариант фонемы *д*, совпадающий в данной позиции по своему звучанию с фонемой *m*. Ниже мы еще остановимся на этом вопросе в связи с характеристикой отдельных направлений в области фонологии. Здесь же мы, по общему плану настоящей работы, ограничимся лишь изложением того воззрения на данное явление, которое представляется нам правильным.

Как указывает проф. А. И. Смирницкий («Фонетическая транскрипция и звуковые типы», Вестник Московского университета № 7, 1948, стр. 23—24), отдельные фонемы, являясь членами общей звуковой системы языка, могут в то же время образовывать внутри этой системы особые группировки или частные системы, представляющие собой некоторые более широ-

Фонем. ред

кие, более общие типы, чем сами фонемы. В определенных случаях такие типы могут выступать в качестве особых единиц звукового строя, причем конкретные звуки выступают в таких случаях уже не как представители тех или иных фонем, а непосредственно как представители таких более общих типов. Если взять, например, русское *ведь* [vet'], то нетрудно будет убедиться в том, что здесь конечный звук [t'] не может рассматриваться как представитель фонемы *t*, поскольку одним из существенных признаков этой фонемы является глухость, противопоставленная звонкости; в конечном же положении глухость согласного в русском языке не противопоставляется звонкости, почему один из существенных признаков фонемы *t'*, отличающий ее от *d'*, оказывается здесь отсутствующим: фактическая глухость конечного согласного в *ведь* оказывается позиционно обусловленным качеством этого звука как такового, а не признаком фонемы. В других положениях (перед большинством звонких шумных), например, в сочетании *ведь был*, это качество исчезает, заменяясь звонкостью. Однако и звонкость здесь является позиционно обусловленной, почему нельзя на этом основании рассматривать его как вариант фонемы *d'* (так же как на основании позиционной глухости нельзя было считать его вариантом фонемы *t'*). Вместе с тем и в виде глухого [t'] и в виде звонкого [d'] он отличается слово *ведь* от *вей*, *верь*, *весь*, *вес*, *век* и т. п., так как, оставаясь в обоих этих звучаниях одним и тем же по характеру, месту и способу образования — переднеязычным палатализованным взрывным, — он противопоставляется по совокупности этих признаков всем прочим звукам русского языка, тогда как по признаку участия голоса он с ними вообще не сопоставляется. Отсюда следует, что этот согласный выступает как представитель типа согласных, более общего, чем фонемы *t'* и *d'*, которые по отношению к этому типу являются лишь его разновидностями.

Изложенное представление о фонематических типах, более общих, чем фонемы, дает возможность разграничить сферы фонологического и морфологического анализа. Как показал в цитированной выше работе проф. А. И. Смирницкий, выделение в языке и обозначение в транскрипции соответствующей фонологической единицы даст возможность такого транскрибирования слов русского языка, которое было бы свободно как от фонетического эмпиризма, так и не осложнялось бы морфологическими соображениями — иными словами, было бы собственно фонологическим, т. е. давало бы правильное представление о фонологической системе русского языка. Это поясняется на следующем примере: если слово *медь* транскрибировать, как [m'et'], то вместо фонологической или фонематической тран-

скрипции, разработка которой совершенно необходима для изучения и преподавания языков, мы получим чисто эмпирическую запись данного звучания в позиции не перед звонким шумным согласным. Если же его транскрибировать, как [m'ed'], то мы привнесем в фонологический анализ элементы анализа морфологического и смешаем два разных плана языка (сопоставляя нашу словоформу с *меди*, *медью* и т. п.). Поэтому только введение особого знака для данного фонематического класса (по системе проф. А. И. Смирницкого, «t'» — соответственно [m'e«t'»]) позволяет отразить реальное соотношение фонологических фактов: знак «t'» показывает, с одной стороны, что существительное *медь* (в форме имен. и винит. пад.) в произношении совпадает с повелительным наклонением *меть*, а с другой стороны, что звук [t] в обоих случаях не может быть отождествлен с фонемой t' в *тень* и т. п.

Изложенные соображения о существовании типов звуков речи, более широких или общих, чем фонемы, требуют обсуждения некоторых общетеоретических и гносеологических вопросов. Дело в том, что понятие об общих звуковых типах не чуждо и буржуазному языкознанию, причем в буржуазной фонологии имеются даже специальные термины, обозначающие такие более общие, чем фонема, типы, как, например, «архифонема». Однако по существу нет ничего общего между «архифонемой», как она понимается в буржуазной лингвистике, и тем учением о звуковых типах, которые мы излагаем здесь. Буржуазная фонология либо основывается на открыто идеалистических позициях и понимает фонему, архифонему и всякую другую единицу языка как нечто существующее и д е а л ь н о, как нечто заранее данное, составляющее часть «системы языка», существующей помимо своего материального, реального, объективного воплощения, своей «реализации», «манифестации» и т. п., либо стоит на вульгарно-материалистической позиции и понимает фонему как группу, ряд, семью звуков и т. п. (например, у Джоунза; о тех оттенках, которые существуют в этом отношении у отдельных фонологов, принадлежащих к разным направлениям, будет сказано ниже). Для нас же фонема, «архифонема» и всякая другая фонологическая единица существует только как тип звуков речи, реально и объективно существующих в исторически сложившейся «природной материи» языка. Когда мы говорим о фонологических отношениях, фонемах, звуковых типах, гласных, согласных, полугласных и т. п. и т. д., мы лишь стремимся обнаружить и классифицировать объективно присущие языку закономерности на основе научного обобщения, без которого вообще невозможна наука.

Поэтому нам представляются правильными соображения, изложенные по этому вопросу акад. Л. В. Щербой в «Фонетике

французского языка» (второе издание, 1939, стр. 16—17). «Таким образом, мы видим,— пишет акад. Щерба,— что в живой речи произносится значительно большее, чем мы думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем. Правда, мы говорили не об «оттенках», а о вариантах фонем, и, как мы постараемся показать ниже, фонемы дифференцируют или различают не слова и их формы, а лишь звуковые оболочки слов или, как нам представляется более правильным для общего случая,— звуковые оболочки морфем. Нам представляется также неудачным употребление выражения «реализуется общее». Общее не «реализуется» в отдельном, а, как указывает В. И. Ленин, существует в отдельном, через отдельное: «Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного» (В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 329). Однако в целом изложенные соображения акад. Щербы правильны: фонема как общее в отдельном — не «абстракция», состоящая из «дифференциальных признаков», а общее, существующее в отдельном, через отдельное с включением и его частных признаков. Таким образом, хотя тип полностью выявляется как класс, как совокупность отдельных представителей этого типа, однако он существует в каждом отдельном представителе данного класса или члена данной совокупности, через каждого из этих представителей. Поэтому понять природу фонемы можно, лишь понимая диалектику общего и отдельного. Механистическое же понимание фонемы как ряда или «семьи» звуков (например, у Джоунза) заставляет понимать каждый вариант фонемы как ее часть, а фонему в целом как сумму таких ее частей, объединенных в «семью» звуков, в отличие от понимания, основанного на материалистической диалектике, для которого фонема и вариант в известном смысле представляют собой одно и то же: один и тот же звук, видоизменяющийся в зависимости от условий его функционирования в речи.

Весьма различно освещается разными лингвистами вопрос об отношении фонологии к учению о смысле и значении. Определение фонем как «смыслоразличителей», которое было прогрессивным, когда оно впервые появилось у акад. Щербы, в период господства «нового учения о языке» получило значи-

тельное распространение в своем наиболее грубом и примитивном виде. Не вполне изжито оно и теперь. Так, например, О. Х. Цахер в «Иностранных языках в школе» (№ 3, 1951, стр. 27) пишет: «...звуковые изменения, не затрагивающие значения, ограничиваются (лимитируются) ныне существующими, исторически сложившимися звуко сочетаниями с определенным значением, т. е. наличными в языке словами. (?) В остальных случаях звуковые изменения приводят к новому слову, характеризующемуся своим особым значением: ср. *стол* — *стал* — *стул*. Здесь и сказывается смысловоразличительная сила звуков речи». Эта точка зрения представляется нам совершенно неприемлемой, потому что она никак не помогает понять специфику фонетики (фонологии) как отдельной лингвистической дисциплины: ведь хотя и грамматика, и фонетика, и лексикология, и все другие языковедческие дисциплины изучают один и тот же предмет, существующий реально лишь во всей своей нераздельной целостности, каждая из них в отдельности позволяет выделить и изучить на основе свойственной каждой из них частной методики такие стороны того сложного и многообразного явления, каким является человеческий звуковой язык, проникновение в существо которых было бы невозможно для всех остальных.

Соглашаясь с соображениями, высказанными по этому поводу проф. А. И. Смирницким, мы считаем, что фонемы не различают смысла как такового. Они различают фонетические (звуковые) оболочки языковых единиц. Однако, поскольку законом языка является то, что различие в звучании, различие звуковых оболочек языковых единиц нормально связывается с различием их значений, мы можем заключить, что различие звуковых оболочек двух единиц свидетельствует о различии их смысла. Но, указывая на различие смысла, различие внешних оболочек слов и морфем не раскрывает существа различия их смысла. Между звучанием и значением слов и морфем есть безусловно самая тесная и неразрывная связь. Однако это связь не прямая, почему следует решительно высказаться против распространенных в фонологии упрощенческих методов «подстановки» и вулгарного представления о фонемах как непосредственных «различителях» смысла слов и морфем. Значение не есть функция звука. Значение слова рождается на базе познания действительности, ее отражения человеческим мозгом. Звуки языка лишь помогают родиться, оформиться определенному значению. Поэтому мы никак не можем думать, что гласные *о* и *у* различают значения слов *стол* и *стул*. Слова *стол* и *стул* различаются прежде всего на базе знания нами соответствующей действительности, на базе наличия у нас соответствующих

мыслей, понятий и представлений. Если мы вместо [стол] скажем [стул] или что-либо другое, приближающееся к этому звучанию, например, [стоул] или [стуол], то это будет не другое слово, а лишь искаженное, неправильное произнесение того же слова, т. е. слова *стол*. Ведь ряды звуков, совпадающие с теми или иными реальными словами некоторого языка, может произносить и, например, попугай. Однако мы не приписываем на этом основании попугаю способности произносить слова. Мы лишь интерпретируем механически воспроизводимые им ряды звуков человеческой речи. Заменяя фонему *о* фонемой *у*, например, в слове *стол*, мы не можем «получить» вместо *с л о в а стол* *с л о в о стул*. Заменяв одну фонему другой, мы меняем звуковую оболочку слова. Но слово не есть одна его звуковая оболочка, а звуковая оболочка вместе с его значением. Чтобы получить другое слово, нужно не «изменить» звуковую оболочку данного слова, а именно сказать другое слово — с его звучанием и его значением.

Выше мы сказали, что различие в звучании естественно связывается с различием в значении и что это можно считать законом дифференциации языковых единиц. Поэтому для фонетики очень важно определить, являются ли в каждом данном случае разные звучания лишь звуковыми оболочками разных вариантов одной языковой единицы, показывающие лишь на возможность различного «выговаривания» одной и той же единицы, или же эти разные оболочки являются оболочками разных языковых единиц. Так, например, *кот* и *кут* — разные оболочки, различающие разные языковые единицы в русском языке. Напротив, например, *кот* и *khom*, т. е. *кот*, произнесенное без придыхания и с придыханием, не дифференцируются вообще как разные оболочки слов русского языка. *Кот* понимается как звуковая оболочка русского слова. *Khom* же вообще не является оболочкой нормального русского слова: это либо вообще оболочка не русского слова, либо, если имелось в виду русское слово, — искажение последнего, основанное не на том, что русские фонемы скомбинированы в нем не так, как они встречаются в реальных русских словах, а на том, что искажено произношение одной из фонем (иначе — произношение «с акцентом», обычным, например, для англичан и немцев, плохо говорящих по-русски).

Отличение фонематических различий в звучании разных оболочек слов и морфем от различий нефонематических требует особого анализа, отличающегося от анализа, применяемого при исследовании других языковых явлений. Этот анализ не может быть механическим, основанным на рассмотрении отдельного, вырванного из системы случая. Он должен основываться на глубоком изучении всей звуковой системы данного языка, ко-

торое лишь одно может дать возможность определить, между какими звуками в данном языке различия являются более самостоятельными, независимыми, свободными и между какими — менее. Так, например, в сложном случае с русскими **и** и **ы** с одной стороны, и парными мягкими и твердыми согласными, с другой (например, *бить* и *быть*), фонематическими, в соответствии с общими законами русского языка, являются именно различия твердого и мягкого согласного (различия фонематические, явно не обусловленные только положением). Различия же между **и** и **ы** являются нефонематическими, что видно из изучения того места, которое эти разные звуки занимают в системе языка. Ведь то же различие, которое мы находим между твердым и мягким согласными в *быть* и *бить*, мы находим и перед другими гласными (например, *мал* — *мял*, *подонки* — *поденки* и т. п.). Далее, различие между парными мягкими и твердыми согласными встречается и в конце слов, где и речи не может быть об обусловленности мягкости-твердости последующим гласным (например, *быт* и *быть*, *топ* и *топь* и др.). Наоборот, различие между **и** и **ы** всегда является обусловленным: **ы** встречается только после твердых согласных, а во всех без исключения других случаях — **и**; так, **и** встречается не только после мягкого согласного, но и в начале слова (ср. *избы*), и после гласного, — например, *твои* и т. п. В случае же тесного соединения **и** с предшествующим твердым согласным не согласный смягчается, а **и** заменяется через **ы**, например, *играть* — *сыграть*, *избы* — *из ыб* и т. п.

Что особенно существенно при всяком исследовании звукового состава языка — это необходимость решительным образом преодолеть все остатки идеализма в трактовке вопроса о фонеме и фонологии. Следует постоянно иметь в виду, что задача исследования вовсе не в том, чтобы во что бы то ни стало распределить все многообразие звучаний, имеющих в языке по рубрикам каких-то идеальных сущностей — существующих помимо их выражения и лишь «реализующихся» в тех или иных конкретных звуках. Исходным являются именно конкретные звуки, объективно существующие помимо каких бы то ни было фонологических систем или «структур», составленных лингвистами. Некоторые звуки противопоставляются друг другу и всем остальным звукам вполне четко и определенно и вполне однозначно служат для различения звуковых оболочек слов и морфем. Другие же либо слабо противопоставляются, либо совсем не противопоставляются в определенных положениях. Задача исследователя констатировать все эти реальные, объективно существующие факты и постараться вскрыть наиболее адекватно объективно существующие категории и закономерности. Если факты говорят о том, что данная категория

звуков в данной позиции вообще фактически, реально не различается или не выделяется, то это и следует констатировать и привести, таким образом, анализ в соответствие с фактами.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ФОНОЛОГИИ

В противоположность только что высказанным положениям буржуазная фонология строится на идеалистических представлениях о фонеме как «имманентной сущности», лишь «реализующейся» или «проявляющейся» в конкретных звуках языка. При этом первоначально фонология основывалась на «психологической» природе фонемы, понимая ее как то звуковое представление, которое существует у говорящего на языке и находит лишь более или менее адекватное и бледное выражение при пользовании им речью. Это понимание тесно связано с сосюрскими идеями о соотношении языка и речи, откуда и такие ряды противопоставлений фонемы звуку, как, например:

З в у к

1. Физиолого-акустическая величина
2. Фактор речи (или речевой деятельности) (parole)
3. Единичное явление (проявление) в речевом акте
4. Измеримая и поддающаяся анализу величина
5. Не имеющий отношения к значению
6. Часть речевого потока

Ф о н е м а

1. Психологическая единица
2. Фактор языка (langue)
3. Постоянный член языковой звуковой системы
4. Функциональный элемент языка
5. Носитель значения
6. Член системы знаков

и т. д. и проч.

Однако, если психологистическая фонология и отрывает таким образом фонему от реального звука, отдавая примат фонеме и оставляя звуку лишь роль ее слабой тени, она все же не отказывается во всем от рассмотрения реальной звуковой материи языка, не лишает ее совсем места в учении о структуре языка в целом, что видно и из определения Трубецкого: «Фонема есть совокупность фонологически релевантных свойств звукового представления». Напротив, дальнейшее развитие и изощрение идей де Соссюра о том, что языковые единицы являются прежде всего единицами отрицательными и характеризующимися не теми или иными положительными свойствами, а свойством «не быть тем, чем являются другие», привело новейший западноевропейский структурализм во главе с датчанином

Луи Ельмслевом к полному «освобождению» языка от обязательной связи с какой бы то ни было «природной материей». В соответствии с общими принципами своей «глоссематики» Ельмслев пришел к полному отказу от классификации звуковых явлений языка, хотя бы даже и на идеалистической основе, как это делалось в «классической» буржуазной фонологии. Цель «глоссематического» анализа фонем (или, как они теперь называются, — «таксем выражения») — в описании языка как совокупности функций. При этом «таксемы выражения» выступают лишь как точки пересечения этих функций и определяются они только исходя из функций, совершенно безотносительно к той «субстанции», в которой они «манифестируются». Поэтому для глоссематики и является совершенно безразличным, будут ли данные функции «манифестироваться» (проявляться) в звуковой «субстанции», в графической или какой-либо другой¹.

На практике, однако, Ельмслеву и его последователям не удалось построить учения о «таксемах выражения» с реальным соблюдением провозглашенных ими теоретических принципов. В действительности «глоссематическое» описание фонологических систем отличается от описаний других буржуазных фонологов лишь тем, что «рубрикация» звуков, насильственная подгонка живой звуковой реальности языков под фонологические «схемы» и «структуры» приобретают еще более крайние формы. Руководствуясь провозглашенным ими «принципом простоты» как основным якобы принципом научного описания языка, они стремятся путем планомерного насилия над фактами свести число единиц в выводимых ими «структурах» до абсолютного минимума — «идеалом» является сведение к одной единице. Так, например, в противоположность фонологам, не решающимся вполне оторваться от звуковой «субстанции» (хотя бы и в виде «отличительных черт» или «дифференциальных признаков» и т. п.), Ельмслев путем различных ухищрений приходит к выводу о возможности рассматривать, например, датские *d* и [d] как обусловленные варианты одной и той же «таксемы». Идя по этому пути, можно уверить себя в «удобстве» трактовки датских *p t k* как комбинаций *b d g* с [h]; соответственно, например, для русского языка в интересах «принципа простоты» можно было бы вместо четырех рядов согласных фонем *б, д, г* и др. *б', д', г'* и др. *п, т, к* и др. и *п', т', к'* и др. придумать такую «структуру», в которой вместо четырех получился бы один «ряд», где «дифференциальные признаки» были бы максимально обобщены и вынесены за скобки; можно было бы и еще «усовершенствовать» и сделать еще более «изящной» «структуру», сведя все многообразие

¹ Подробно о «глоссематике» см. «Вопросы языкознания» № 3, 1953.

русских взрывных к одной единице плюс всевозможные «дифференциальные признаки». Необходимо, однако, еще раз и со всей энергией подчеркнуть, что все подобные операции никак не могут изменить реального положения дела и число реальных фонем в каждом языке от этого ни в какой мере не изменится. Все подобные идеалистические выверты никакой научной ценности не имеют, так как они ведут не к проникновению в существо предмета, не к познанию его подлинных объективных закономерностей, а лишь к разным видам его искажения в угоду различным априори заданным и надуманным «принципам» и «правилам».

Гипостазирование «отличительных черт» («дифференциальных признаков»), противопоставление их «недифференциальным» — один из конкретных способов, конкретная «методика» идеалистического буржуазного языкознания. Эта методика оказалась необходимой потому, что метод «подстановки», о котором будет сказано ниже, при применении его в его грубом механистическом виде, в каком он обычно выступает в буржуазной науке, оказывается непригодным, если фонемы (в правильном понимании этого термина) будут фигурировать в нем во всей их естественной звуковой реальности. Напротив того, если, например, французское *b* «растачить» на ряд «отличительных черт» (т. е. мыслить его лишь как ряд «противопоставлений» — *b/t*, *b/p*, *b/v*, *b/d*, *b/g*), если вообще рассматривать фонему не как реальный индивидуальный звук языка, а лишь как «связку отличительных черт», то с точки зрения современного буржуазного структурализма можно будет не только вполне удовлетворить структуралистический тезис о фонеме как «оппозитивной единице», т. е. единице, существующей только в силу своей способности противопоставляться всем другим фонемам, но и создать такую «лингвистику», которая «совпадет в своих методах с современной физикой, обнаружившей истинную природу элементарных частиц материи». При этом всячески подчеркивается, что современный структуралист вполне может выполнить всю эту операцию, не «оскверняя» себя соприкосновением с грубой материей, как это делали старые фонетисты, определявшие, например, *g* как задненёбный взрывной (*postalatal stop*), а *ŋ* — как передненёбный носовой, на основе их реальной фонетической природы, а не «чисто лингвистического анализа»¹.

¹ Эти примеры «развития» фонологии в соответствии с «достижениями» современной буржуазной науки взяты из статьи Р. Якобсона (R. Jakobson. On the Identification of phonemic entities, *Recherches Structurales TCLC*, 1949, стр. 206—213). Против этого см. указания А. А. Реформатского («Проблема фонемы в американской лингвистике», Ученые записки МГПИ, вып. 1, т. V, стр. 136—139).

Таким образом, «диссоциация фонемы», расчленение ее на «отличительные черты», по мнению сторонников этой процедуры, должно будет в дальнейшем усовершенствовать «метод подстановки» и освободить его от тех противоречий, с которыми до сих пор он связан. Но это — дело будущего. Теперь же основная масса буржуазных фонологов, несмотря на отдельные различия и оттенки, применяет по существу один метод: фонологический анализ строится на различии такого числа элементов, которому соответствует число звуковых единиц, дающих при замене изменение «значения» (смысла). Новое название, данное Ельмслевом этому процессу («коммутационная проверка»), не меняет дела по существу. Существенным (и поэтому отличающим западноевропейских структуралистов от американских «дескриптивных лингвистов») является то, что понимается под «значением» и какое место отводится этой категории в системе языковедческих изысканий.

Основным и существенным различием между этими двумя лингвистическими направлениями является то, что западноевропейские структуралисты, следуя за де Соссюром, включают значение, «обозначаемое» в самый лингвистический знак: для них каждая звуковая единица является двухплановой, в себе самой несущей как содержание, так и выражение. Для американских же «дескриптивных лингвистов» язык имеет лишь один план. Правда, например, Блумфильд различает «форму» и «значение». Он признает даже, что, только соотнося две «лингвистические формы» со «значением», можно определить, являются ли они различными или тождественными друг другу. Однако «значение» для него есть нечто внешнее, постороннее по отношению к языку, ситуация, в которой говорящий произносит данную «форму», и реакция, которую произнесенная «форма» вызывает в слушающем. В языке имеются только «формы», состоящие из ряда «фонем», расположенных по правилам различного рода «расположений»¹.

Исходя из этих положений американской «дескриптивной лингвистики», ученики Блумфильда все более стремятся внести последовательность в применение принципов учителя и построить систему фонологического анализа, свободную от какого бы то ни было рассмотрения «семиологической функции» фонем, т. е. совершенно не принимая во внимание того, каким образом фонемы, различая звуковые оболочки слов и морфем, участвуют в оформлении и различении значений. Так, Б. Блок, подчеркивая «антименталистские» позиции американских «дескриптивных лингвистов», основывает свои «постулаты» на по-

¹ См. «Вопросы языкознания» № 5, 1952, стр. 94—96.

нении «лингвистического окружения». Звуки, находящиеся в отношении «свободной вариации», встречаются в одинаковых условиях «окружения». Противопоставляемые звуки встречаются в разных «окружениях». Поскольку под «окружением» здесь понимается, повидимому, не фонетическое «окружение», а окружение слова во фразе, то предлагаемый анализ не только не освобождает исследователя от решения вопроса о том, какую роль в языке играет значение, «meaning», но, напротив, очень осложняет его, так как требует для решения чисто фонологических вопросов рассмотрения вопросов полисемии и омонимии, проблемы фразеологических единиц и т. п. Мы уже не говорим о практических трудностях, с которыми неминуемо встретилось бы применение рекомендуемого Блоком метода: как известно, можно прочитать и прослушать бесконечно большое количество «текстов», не встретив два раза одного и того же сравнительно простого слова.

Американские лингвисты всегда подчеркивают, что производимые ими поиски оригинальных методов, отличных от методов, применяемых в Европе, вызваны самим характером исследуемого материала — бесписьменных языков, незнакомых исследователю. Тем не менее исходить из возможности построения фраз, которые обеспечивали бы соответствующее «окружение», во-первых, вряд ли возможно, а во-вторых, обязательно привело бы исследователя обратно к вопросу о значении, так как строить фразу на каком бы то ни было языке, не исходя из определенного смысла или значения, представляется если не затруднительным, то во всяком случае научно не оправданным занятием. Интересно отметить, что, например, Джоунз, во многих отношениях стоящий ближе к американским, чем к европейским фонологам (в частности, он тоже не включает понятия о «семиологической функции» в свое определение фонемы), расходится по вопросу о конкретной методике исследования с Блоком, считая, что исследователь всегда может найти такого «носителя языка», который знает, что такое «слово» в его языке, и способен произнести достаточное количество изолированных слов для того, чтобы лингвист мог определить фонемы, не прибегая к той весьма сложной и практически неосуществимой процедуре, которую рекомендует Блок¹.

¹ Нельзя не обратить также внимания на возражения Джоунза против простого использования способа «подстановки» на том основании, что в каждом языке имеются фонемы, безусловно противопоставляемые друг другу именно как фонемы, а не как варианты, и тем не менее не встречающиеся в одной и той же позиции (например, англ. *ɹ* и *h*). Это обстоятельство заставляет Ельмслева в корне переформулировать свои позиции относительно «коммутационной проверки» и объявить, что коммутация

Выше отмечались уже основные черты сходства и различия между наиболее определенно оформленными направлениями буржуазной фонологии, причем речь шла в основном о способах выделения и противопоставления друг другу фонем и об отношении к фактору значения. Необходимо теперь остановиться вкратце на другой стороне вопроса, т. е. выяснить, каким образом устанавливается тождество фонем, т. е. каким образом и на основе каких принципов разные звучания объединяются как варианты одной фонемы. В этом отношении «классическая» фонология не расходится, казалось бы, с блумфильдовской школой (в стороне стоят только Ельмслев и его последователи): в основу установления фонематического тождества кладется классификация звуковых фактов языка. Однако различия между ними имеются. Так, например, если Блумфильд считает это настолько очевидным, что не находит нужным специально это оговаривать, то новейшие представители идеалистической фонологии в Европе все более последовательно и настойчиво противопоставляют «отличительные черты» (или «дифференциальные признаки») «не релевантным», или «не пертинентным», или «не дифференциальным», почему дальнейшее развитие фонологии в работах этой школы идет не по пути преодоления отрыва фонетики от фонологии, а по пути все большего изощрения этого отрыва, доходящего до «фонологической диссоциации фонем» (разложения фонем на составные части); напомним, что для старой точки зрения анализу поддавался звук; фонема же считалась не поддающейся разложению, выступающей как функциональная величина психологического, нематериального порядка.

Существенное место в вопросе об определении тождества фонем, в том виде, как его понимает современная буржуазная фонология, занимает критерий параллелизма (или «совпадения в модели»; ср. А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике, Уч. записки МГПИ, вып. 1, т. V, Москва, 1941, стр. 118). Этот критерий, не получивший общего признания, пользуется особым вниманием у американской фонологической школы и занимает большое место в фонологических построениях Ельмслева. Так, например, К. Л. Пайк считает, что два фонетически родственного звука, находящихся в отношениях «дополнительного распределения», могут рассматриваться как варианты одной и той же фонемы только при

должна и может иметь место только в пределах одной и той же категории (т. е. нельзя, например, применять «коммутационную проверку» в отношении звуков в разных позициях или, например, предлогов и падежей). Но, как всегда, теоретические положения у Ельмслева значительно опережают их практическое применение и развиваются независимо от последнего.

условии, если «общее распределение подчленов — submembers,— объединенных в одну фонему, не дает сильно асимметрического результата», т. е. если не нарушается «равновесие» по отношению к тому «давлению», которое оказывают явно не относящиеся к данной фонеме ряды, имеющиеся в данном языке. В определении Блока и Трейджера правило для объединения вариантов в одну фонему выглядит следующим образом: «звуковые типы, составляющие фонему, должны быть фонетически подобны, находиться в отношении дополнительного распределения и быть параллельно размещены в системе».

Однако никакой ясности или последовательности в применении этого критерия мы у буржуазных фонологов не находим. Более того, нет и единогласия в понимании этого критерия вообще. Представляется возможным высказать мнение, что этот критерий, так же как и остальные механистические правила и критерии, рекомендуемые буржуазной фонологией, обречен на неудачу, поскольку идеалистическое представление о системе языка, свойственное вообще буржуазному структурализму, не может дать основы для классификации реальных языковых явлений. Поскольку система мыслится не как совокупность реально существующих языковых фактов, исторически развивающихся по внутренним законам развития данного языка, а как вполне статическое и искусственное распределение по рубрикам «отношений» и «противопоставлений» на основе разного рода априори заданных принципов «удобства», «эффективности», «простоты», «изящества» и т. п., ни один из предлагаемых буржуазной лингвистикой методов и критериев не может служить основой для научной классификации языкового материала. Особенно искусственные формы представления о «системном параллелизме» приобретает в «лингвистической алгебре» или «глоссематике» Ельмслева.

* *
*

Понятие о фонеме и фонологии впервые зародилось в России и из России проникло за границу. Русским фонологам и в дальнейшем принадлежала ведущая роль в разработке этой области языкознания (так, из современных нам языковедов именно московские фонологи сделали наиболее последовательную попытку разработки точной методики фонологического исследования). После выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию на советских языковедов возложена большая, ответственная и почетная задача — создать как неотъемлемую часть марксистского языкознания подлинно научную фонетику.

Редактор Н. М. Шанский
Техн. редактор И. А. Моторина

* * *

Сдано в производство 19/I 1954 г.

Подписано в печать 19/I 1954 г.

T09446 Тираж 35 000

Формат бум. $60 \times 92\frac{1}{16}$

Печ. л. 1,5. Бум. л. 0,75

Уч.-изд. л. 1,5

Издат. № 326. Заказ 193

* * *

Типография издательства МГУ.
Москва, Моховая, 9.

